

СЕКСУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РОДУ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИНДИВИДА

Наринская В.Д. Email: Narinskaya6104@scientifictext.ru

Наринская Валерия Дмитриевна – психолог, психотерапевт, автор метода «Апкодинг», индивидуальный предприниматель, создатель Школы, Школа Нового Сознания «Лерониум», г. Москва

Аннотация: статья посвящена обоснованию механизма обусловленности расстройств эмоционально-аффективной и волевой сфер личности, актуализирующихся в профессиональной деятельности индивида, характером интериоризации конфликта в сексуальном взаимодействии родителей/предков. Автор выдвигает гипотезу о возможности преодоления дезадаптации в профессиональной сфере путем изменения внутрличностного соотношения интроектов мужчины и женщины и представляет оригинальную методику коррекции психоэмоционального состояния индивида.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, биполярность, конфликт, сексуальное взаимодействие.

SEXUAL INTERACTION IN LINEAGE IN THE MIRROR OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL LIFE OF AN INDIVIDUAL

Narinskaya V.D.

Narinskaya Valeriya Dmitrievna – Psychologist, Psychotherapist, Author of the UpCording Method, Individual Entrepreneur, Founder of the School, SCHOOL OF NEW CONSCIOUSNESS "LERONIUM", MOSCOW

Abstract: the article is devoted to the substantiation of the mechanism of the causation of disorders of the emotional-affective and volitional spheres of the personality, which are actualized in the professional activity of the individual, by the nature of the internalization of the conflict in the sexual interaction of parents / ancestors. The author puts forward a hypothesis about the possibility of overcoming maladjustment in the professional sphere by changing the intrapersonal ratio of the introjects of a man and a woman and presents an original method of correcting the psychoemotional state of an individual.

Keywords: bipolarity, parent-child relationship, conflict, sexual interaction.

Проблема социально-психологической адаптации человека является сегодня одной из наиболее актуальных не только для науки, но и для большинства сфер реализации современного человека, коллективных объединений, решающих как масштабные макросоциальные и транснациональные задачи, так и воплощающих индивидуальные проекты.

С одной стороны, социально-психологические характеристики индивида полагаются одной из наиболее значимых детерминант эффективной общественной деятельности. А потому параметры взаимодействия в группах разного типа подвергаются детальному анализу с учетом особенностей групповой структуры, характера связи членов группы, а также особенностей развития групповой организации [2, 7, 8, 10]. На прикладном уровне внимание к социально-психологическим факторам проявляется во всё увеличивающемся многообразии форм взаимодействия людей (в том числе, профессионального), инициировании социальных контактов и сокращении социальной дистанции между индивидами, обусловленной ранее традиционными параметрами социального статуса и социальных ролей.

С другой стороны, эффективность как устойчивая черта межличностного взаимодействия определяется не только внутригрупповыми процессами или актуальными характеристиками объективной ситуации. Особенности эмоционально-аффективной сферы, непосредственно связанной с формированием иерархии мотивов – одной из главных структурообразующих социальной активности человека, нередко полагаются обусловленными темпераментом, характером и пр. Например, в классической типологии психологических акцентуаций личности К. Леонгарда [3], в классификации акцентуаций характера А.Е. Личко [4] и пр. При этом собственно характер и темперамент трактуются как неизменные параметры индивида, сформированные в результате личных отношений индивида на протяжении жизни, особенностей восприятия ребенком отношений значимых других, в частности родителей, но никак не мыслятся сформированными на базе собственно реализации отношений родителей, а также менее близких родственников. Тем не менее, наша терапевтическая практика

уверенно доказывает, что женско-мужские отношения в роду, даже не будучи непосредственно наблюдаемыми индивидом, формируют весьма действенные бессознательные паттерны реагирования, которые проявляются затем в разных сферах индивидуальной практики, а не только в сфере женско-мужских отношений.

Механизмы трансляции поведенческих сценариев исследуются давно и многоаспектно в культурологии, этнографии, психологии, в частности – семейной психологии, и других гуманитарных науках. Психология самым непосредственным образом решает указанную исследовательскую задачу, однако до настоящего времени ряд феноменов, например, биполярно-аффективное расстройство (далее БАР – Л. Н.), не имеют вполне определенных, единообразно проявляющихся у большинства людей признаков, а границы сходной с БАР симптоматики весьма размыты. Отсюда многие индивидуальные эмоционально-аффективные состояния, обнаруживающие неспособность человека адаптироваться к реальным обстоятельствам, либо преодолеваются преимущественно медикаментозной терапией, либо вовсе не корректируются. Так, медикаментозная терапия традиционно считается неотъемлемым инструментом стабилизации эмоционально-аффективных расстройств и тяжелых состояний [11, p. 14].

Таблица 1. Защитные факторы и факторы риска при биполярных эмоционально-аффективных расстройствах

<i>Protective factors</i>	<i>Risk factors</i>
<ul style="list-style-type: none"> ▪ Use of mood stabilizing medications ▪ Abstinence from alcohol ▪ Abstinence from recreational drug use ▪ Structured schedule ▪ Support system ▪ Psychotherapy 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Alcohol ▪ Recreational drugs ▪ Abrupt discontinuation of medications ▪ Sleep disruption ▪ Loss of supports ▪ Cognitive distortions ▪ Interpersonal conflict ▪ Role transition ▪ Negative emotional communications ▪ East-west travel ▪ Anxiety disorders and stress

Между тем, профессиональная реализация является сегодня одной из самых значимых практик большинства людей, а потому в такой деятельности находят отражение как острые, так и латентные внутриличностные конфликты, многие из которых требуют не стабилизирующей медикаментозной терапии, а грамотного психотерапевтического сопровождения и коррекции. Последняя позволяет обнаружить непосредственную причину эмоциональной нестабильности в профессиональной реализации. Такая нестабильность, как мы полагаем, нередко возникает в результате бессознательного проигрывания индивидом травматичных сценариев как собственного прошлого, так и прошлого своих предков.

Как отмечают Дж. Райдер, Х. Клоуз, Х. Руф, типология и диагностика внутриличностных причин снижения индивидуальной эффективности осложняется тем, что симптомы психологических нарушений могут меняться со временем. В подавляющем большинстве случаев весьма сложно однозначно установить причины подобных нарушений, вызванных совокупным действием биологических, психологических, а также социальных факторов [6]. А потому, не всегда очевидным для практикующего психолога является возможность обусловленности профессиональной реализации человека сценариями мужско-женских отношений в его родовой системе.

Методология нашего исследования во многом опирается на положение, согласно которому психотерапия выступает не менее действенным, а в некоторых случаях значительно более эффективным методом работы с состояниями дезадаптации, а также развитыми на основе последних депрессивными состояниями. По мнению А. Бека, психотерапия в долгосрочной перспективе более благотворна, чем фармакотерапия: «психотерапевтический опыт имеет обучающее значение для пациента. Пациент вырабатывает эффективные способы преодоления депрессии, научается распознавать ее приближение и принимать необходимые меры, а возможно, даже предотвращать депрессию» [1, с. 12].

Многолетний опыт психотерапевтической практики с применением техник расстановочной работы позволяет нам утверждать, что одним из значимых факторов формирования устойчивого эмоционального фона индивида, а также умеренности аффективных проявлений, является характер сексуального взаимодействия родителей, а также иных родственников – членов семейной системы. Такое взаимодействие в значительной мере отражается на становлении не только гендерной и социальной, но и профессиональной идентичности человека [5, 9].

Вопрос о влиянии сексуальной жизни предков на структуру бессознательного индивида может быть поставлен либо в случае неадаптивности человека в близких отношениях, либо если в процессе работы над психотерапевтическим запросом на том или ином уровне анализа проявляются смысловые блокировки – отказы от собственной гендерной идентичности или обесценивание последней. В ряде случаев отказ от идентификации человеком себя как мужчины или женщины вытесняется из сознания,

но остается проявленным (1) в избегании/ невыдерживании отношений с людьми противоположного пола, (2) а также в трудностях реализации других компонентов идентичности индивида.

Согласно нашей гипотезе, только создав в картине мира клиента интроекты родителей, испытывающих физическое влечение друг к другу, выстраивающих гармоничное сексуальное взаимодействие, описанный конфликт может быть разрешен как на физическом, так и на прочих уровнях.

Рассмотрим методику работы в ряде практических случаев, доказывающих, что собственно присутствие конфликта в сексуальной сфере в поколениях предков определяет широкий спектр тяжелых психоэмоциональных реакций индивида на окружающую действительность.

В последнее время все больше людей обращаются с запросами на работу с состоянием растерянности, гнетущим состоянием безнадежности и бесцельности жизни. На системный характер указанной проблемы указывает то, что перечисленные состояния приобретают в межпоколенческой передаче соматические черты и могут инициировать весьма серьезные патологии перцептивных функций, в частности, зрения. При этом, индивид вполне способен сформировать компенсаторные стратегии жизни с недугом, но соматическая природа последнего подтверждается еще и полярностью психоэмоциональных реакций. Человек часто, с одной стороны, воодушевленно берется за серьезные проекты, но с другой стороны, закономерно охладевает к делу, бросает его, после чего на некоторое время погружается в депрессивное состояние. Видимая «незавершенность» желанных дел формирует ощущение невозможности нахождения своего места в жизни, что только усиливает чувство безнадежности.

Сочетание симптома с неадаптивностью в профессиональной сфере и заставляет предположить системный характер проблемы, а также существование бессознательного паттерна переживания нарушения гендерной идентичности. В расстановочной работе проявляется мужско-женский конфликт из жизни предков в начале XX в. Это время войн, голода и прочих социальных потрясений, а потому весьма распространенной тогда была ситуация возвращения мужчин с полей сражений с увечьями, тяжелыми психологическими травмами, которые раскрывались в снижении адаптивности мужчин к послевоенной жизни. Нередко глава семьи чувствовал себя недееспособным мужчиной в отношениях с женщиной, не могущим выполнять функции отца в семье, а также функции полноценного члена общества. Более того, женщины в тех условиях нередко не умели правильно поддержать мужчин, а в ответ на невыносимую тяжесть переживаемого закономерно актуализировалась стратегия обесценивания своих тяжелых чувств, обстоятельств и мужчины как части внешнего мира.

Несмотря на совокупное влияние множества факторов, мы в указанном случае все же акцентируем важность именно сексуального конфликта. Работа с клиентским запросом основывается в подобных случаях прежде всего на восстановлении мужской самооценки как ядерного компонента идентичности. При этом возвращение ценности человека в отношениях с миром было невозможно без возвращения ценности мужчины в отношениях с женщиной, которое требовалось привнести, в первую очередь, в ситуацию конфликта бабушки и дедушки. Фиксация же восстановленной мужской идентичности повлекла за собой формирование глубинного представления о мире как о пространстве, где все решаемо, что вызвало улучшение в профессиональной реализации клиента, а также частичное восстановление почти потерянного зрения.

В подавляющем большинстве случаев профессиональная реализация индивида нагружена нерешенными проблемами сферы детско-родительских отношений. Примечательно то, что причиной таких проблем может быть не собственно контакт клиента и его родителей, или сексуальный конфликт родителей и его опосредованное переживание ребенком, а родовые истории с травмирующим опытом сексуального взаимодействия, о которых клиент не подозревает до прихода к терапевту.

Так, часто профессиональная реализация ассоциируется у клиентов с родительским одобрением. Человек мучается вечным стремлением заслужить любовь родителя противоположного пола, но указанный мотив запускает фиксирующие *биполярность* поведенческие сценарии: добиваясь некоторого результата во внешнем мире, индивид теряет интерес к достигнутому, переставая работать и обретая ощущение, что «все рушится», поскольку на глубинном уровне желанный контакт с родителем так и не установлен.

В расстановочной работе в таком случае проявляется тактика игнорирующего поведения со стороны родителя, вслед за которой закономерно обнаруживаются апперцептивные схемы, имеющие в основе эмоционально-аффективное переживание инцестуозных сценариев. При этом важно, что сам клиент не имеет опыта инцеста, но возможность инцестуозного взаимодействия переживается им как очень вероятная, что вызывает страх и панику.

В подобных обстоятельствах терапевту важно не только концентрироваться на разборе разных аспектов взаимодействия родителя и ребенка, но и пробовать проследить источник инцестуозных сценариев в рамках родовой системы. Чаще всего панический страх инцеста обусловлен трансгенеративной передачей аффекта из поколений рода, где действительно имел место инцест или

отдельные действия инцестуозной природы. При этом, по сути инцест как замещение одного из равных партнеров ребенком обусловлен нарушением сексуального взаимодействия последних, в котором один из партнеров или оба отстраняются от сексуального контакта или в целом от темы секса. Родители перестают принимать друг друга как сексуальных партнеров и, хотя противоречие может оставаться скрытым, потребность каждого из родителей быть принятым именно в аспекте сексуального взаимодействия остается неудовлетворенной.

Сексуальные побуждения сублимируются в желание большего контакта с ребенком противоположного пола, при этом в следствие сублимативной мотивации такого контакта, ребенок оказывается психологически перегруженным.

В другом случае родитель может компенсировать неудовлетворенную потребность системой психологических защит. Чаще всего в таком случае реализуется игнорирующее поведение по отношению к ребенку, выступающее не меньшим психологическим давлением на него.

Примечательным и важным здесь является (1) механизм трансляции такого опыта в межпоколенческой передаче и (2) влияние последнего на профессиональную реализацию индивида.

1) Ребенок, перегруженный сублимативной инцестуозной энергией родителя противоположного пола, принимает такой устоявшийся контакт за естественную модель детско-родительской любви. Более того, будучи зависимым от родителя, ребенок боится потерять этот контакт как единственно возможный способ общения с родителем. Подчеркнем, что уже в этот момент ребенок приучается путать родительскую любовь с эмоциональной перегрузкой, поскольку находится в использовании. Еще важнее то, что **взаимодействие по такой модели не может обеспечить ребенка удовлетворением от контакта с родителем, так как контакт изначально строится на сублимированной сексуальной энергии родителя и его бессознательном стремлении в отношениях с ребенком преодолеть свою сексуальную неудовлетворенность.** Другими словами, родитель дает ребенку сексуальную энергию вместо энергии любви, а ребенок приучается путать эти два контакта.

Как было сказано выше, подобный контакт не может дать удовлетворения ребенку, поэтому, истощаясь в использовании, он погружается в депрессию от внутреннего ощущения невозможности правильного контакта. Поскольку ребенок не способен переработать сексуальную энергию родителя, воздействие травмирует его, формируя давящее состояние небезопасности.

В поколениях рода описанный травмирующий опыт может передаваться в виде бессознательных проекций, *заранее* формируя у потомков проблемный рецептивный паттерн в сфере секса. Тогда прежде всего важно не то, как строились действительные отношения клиента с родителем, а то, какие травмирующие образы были заимствованы клиентом у предшествующих поколений.

2) По мере взросления человека вся активность его в мире, все импульсы к самореализации в той или иной сфере начинают питаться энергией творчества, имеющей единый источник с сексуальной энергией и, в целом, идентичной последней. Психическая фиксация подмены моделей (1) отношений любви и (2) отношений использования ребенка с родителем определяет бессознательный перенос первой модели на отношения взрослого человека со всеми внешними объектами. Тогда и формируется биполярность эмоционально-аффективных проявлений в отношениях с противоположным полом, с работой и вышестоящими коллегами, руководством, а также со многими значимыми обстоятельствами жизни индивида.

Один полюс отмечен стремлением индивида удовлетворить свою потребность в любви, так как ему кажется, что в отношениях с внешним миром можно найти не пережитую любовь родителя. Второй полюс закономерно предполагает попадание в использование, в котором индивид истощается и погружается в депрессивное состояние от неудовлетворенного контакта. Указанные полярные состояния сменяют друг друга, исключая возможность формирования нормального контакта в той или иной сфере, в том числе, в сфере профессиональной реализации. То есть человек переходит от воодушевления будущей реализацией к внутреннему опустошению из-за недостижимости последней и далее – к новому воодушевлению и попыткам реализоваться.

Главным шагом в работе с указанной темой становится формирование терапевтом такого смыслового контекста, в котором клиент из роли ребенка научается наблюдать родителей, а также абстрактных предков – мужчин и женщин – помирившимися, восстановившими свой естественный сексуальный контакт. Тогда родитель противоположного пола перестает связываться с ощущением небезопасности/ неценности/ отверженности у ребенка, так как восстанавливается нормальная сердечная детско-родительская связь, принимаемая не только ребенком, но и родителем, и ее осмысление вне инцестуозного контекста.

Наше предположение о необходимости работы с интроектами мужчины и женщины в запросах на профессиональную реализацию подтверждается и следующей попыткой осмысления опыта психотерапевтической практики.

Неадаптивность в профессиональной сфере, как правило, выступает одним из проявлений более масштабной социальной дезадаптации. Так, потеря работы и невозможность нахождения нового места

занятости закономерно сопровождаются собственным индивидуальным конфликтом в женско-мужских отношениях. Подобный конфликт повторяется у клиента с представителями противоположного пола, реализующими в его жизни разные роли, например, для женщины может быть актуален конфликт с мужчиной-начальником и одновременно с мужчиной-партнером.

Подобный, указывающий на необходимость работы с семейной системой, конфликт встроен в череду сменяющих друг друга полярных тенденций: тенденция ощущать любовь и принятие в близких отношениях, успех на работе сменяется тенденцией чувствовать крушение семейного счастья и серьезные помехи конструктивной профессиональной деятельности. Мы посчитали необходимым переосмыслить представленные конфликты на базе женско-мужских отношений.

Женщина, став взрослой, бессознательно переносит отношения с папой на отношения с работой и с начальником. Символической основой такого переноса выступает, во-первых, тот факт, что отец осуществляет связь между девочкой и миром, выводит девочку в мир, как и будущая профессия, выступающая средством реализации женщины, средством контакта женщины с миром. Во-вторых, функции защиты и материального обеспечения тоже традиционно осуществляет отец, а затем те же функции устойчиво связываются с профессиональной реализацией, конкретной работой, начальником и т.д.

Мужчина по мере взросления воспроизводит в отношениях с работой проекцию Бога и мира из отношений с мамой. Здесь символической базой переноса выступает тот факт, что мать дает жизнь, средства к существованию ребенку, и во взрослой жизни, в результате замещения, на место абстрактного носителя указанных функций мужчиной помещается работа, а также начальник как некий авторитет, стоящий выше по иерархической лестнице.

Во взрослой жизни все отношения с объектами другого пола, с вышестоящими коллегами и представителями властных структур строятся по сценарию, воспроизводящему отношения с родителем противоположного пола. Поэтому если ребенок перегружен сексуальным использованием и усваивает инцестуозную модель отношений с родителем противоположного пола, то во взрослой жизни человек, скорее всего, будет воспроизводить ту же модель отношений с любым вышестоящим человеком.

Работа с таким неочевидным для клиента контекстом связи разных событий жизни обнаружила неразрешенность ситуации детского насилия в роду, о которой сам клиент не подозревал до прихода к терапевту. Ключевым шагом в процессе разрешения ситуации выступило разотождествление клиента и бессознательно заимствованных и проживаемых им чувств предков, а также принятие включенности факта насилия в историю рода.

Успешное решение указанных задач позволило выйти из устойчивой схемы осмысления насилия в контексте отношений «тиран - жертва», а потому сразу позволило клиенту освободиться от бессознательного стремления проигрывать в реальной жизни по указанному сценарию те или иные отношения, в том числе профессиональные.

Указанный случай, а также подобные ему, позволяют нам обоснованно утверждать, что *собственно реализация* конфликтных женско-мужских отношений в роду детерминирует воспроизводство индивидом в разных сферах индивидуальной практики неадаптивных поведенческих моделей.

Обобщая представленные примеры, сделаем ряд теоретических выводов:

1. Профессиональная реализация индивида закономерно воплощает бессознательные паттерны проживания человеком женско-мужских отношений и, являясь важной социальной практикой, способна проявить зону психологической дезадаптации индивида, что всегда сопровождается полярностью эмоционально-аффективных реакций;

2. *Собственно реализация* женско-мужского конфликта в родовой системе индивида в любых поколениях детерминирует индивидуальную практику человека в разных сферах не меньше, чем собственные детские переживания человеком конфликта родителей;

3. Формирование у клиента интроектов мужчины и женщины, испытывающих физическое влечение друг к другу, выстраивающих гармоничное сексуальное взаимодействие, способно значительно увеличить зону адаптивности человека в его социально-психологической жизни в целом, и в профессиональной реализации – в частности.

Таким образом, мы постарались показать, что широкая общественная практика человека, прежде всего, профессиональная, оказывается подчиненной внутреннему стремлению личности установить отношения любви с родителем противоположного пола, поскольку именно в зоне неосознанного переноса травмирующего опыта в реальную практику жизни тотально нарушается адаптивность, что закономерно сопровождается полярностью эмоционально-аффективных реакций.

Список литературы / References

1. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии // М. Питер, 2003. 301 с.

2. *Донцов А.И.* Группа – коллектив – команда. Модели группового развития / А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, Ю.М. Жуков // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 96-114.
3. *Леонгард К.* Акцентуированные личности/ пер. В. Лещинской. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 448 с.
4. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков / М.: Питер, 2019. 304 с.
5. *Наринская В. Д.* Конфликт интроектов женского и мужского как детерминанта нарушения адаптивности индивида // Научно-методический журнал «Academy». № 10 (61). Изд-во «Проблемы науки», 2020. С. 27-33.
6. *Райдер Дж., Клоуз Х., Руф Х.* Как справляться с биполярным расстройством // Оксфордский центр психотерапии, Оксфорд, 2019. 50 с.
7. *Сарычев В.С.* Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития / В.С. Сарычев, А.С. Чернышов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2009. № 11-12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.scientific-notes.ru/pdf/011-15.pdf/](http://www.scientific-notes.ru/pdf/011-15.pdf) (дата обращения: 13.01.2021).
8. *Сидоренков А.В.* Психологический механизм динамики малых групп: интеграция и дезинтеграция / А.В. Сидоренков // Вопросы психологии, 2004. № 5. С. 63-71.
9. *Narinskaya V.* The role of male and female unconscious images in human psychological adaptation / Наринская В.Д. // LXXV International Correspondence Scientific and Practical Conference «International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education» (Boston. USA. November 22-23, 2020). p. 78-83. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://scientific-conference.com/images/PDF/2020/75/the-role-of-male-and.pdf/](https://scientific-conference.com/images/PDF/2020/75/the-role-of-male-and.pdf) (дата обращения: 13.01.2021).
10. *Tuckman B., Jensen M.* Stages of Small Group Development // Group and Organizational Studies. № 2, 1977. P. 419-427.
11. *Otto M.W., Reilly-Harrington N.A., Knauz Robert O., Aude Henin, Kogan Jane N., Gary S. Sachs* Living with Bipolar Disorder // Oxford University Press, 2008. 135 p.